

Высокий этический пафос, свойственный эпосу по определению, благородство русского характера, ненавязчиво подчёркиваемое в каждом эпизоде поэмы, не позволили Твардовскому закончить свою героическую сагу победным апофеозом, неизбежно жестоким со стороны победителей. Ведь герой её пришёл на вражескую землю «двойною, тройною ношей» нагружен. Он и жертва, и освободитель, и мститель. А месть всегда жестока и беспощадна. Но за что мстит русский солдат? В «Возмездии» дан потрясающий перечень этих «за что», объясняющий и почему Тёркин «тройною ношей нагружен» и почему «места нет пощаде». «И не у нас её проси, // Мы будем мёртвых глуше. // Проси у тех, чьи на Руси // Сгубил безвинно души. // Проси у тех, кого ты сжёг, // Зарыл в земле живыми // ... Проси у тех, кого раздел // В предсмертный час постылый. // Проси у девочки у той, // Что в дула ружей глядя, // Спросила с детской простотой: // --Чулочки тоже, дядя? -- // Проси пощады у неё, // А мы щадить не в праве» (3, стр. 130–131).

Этими обжигающими строками из «Возмездия» по сути и заканчивается эпос о Великой Отечественной, хотя оно и не включено в композиционную структуру поэмы. Только так и мог думать русский солдат, вступая на вражескую землю: его ярость поистине благородная, а не слепая и безрассудная. Таков подлинно эпический размах и высокий этический пафос героической поэмы, созданной буквально в пламени тяжелейшей войны. Не случайно так мало писал о ней поэт в послевоенные годы, всего несколько стихотворений, в том числе и потрясающее «Я убит подо Ржевом»: тема ею исчерпана полностью.

Заключение. Проведенный нами опыт сравнительного анализа позволяет, на наш взгляд, критически отнестись к определению-эпиту «лиро-эпическая», присвоенному поэме «Василий Тёркин» (2, стр. 294). Смеем утверждать, что её автор возродил в XX веке жанр героической поэмы, классическими образцами которой считаются «Илиада» или «Песнь о Роланде». Его поэма может быть заслуженно поставлена рядом с ними по масштабу и событий, нашедших в ней художественное воплощение, и характера главного героя – воина, защитника Отечества. Это действительно национальный героический эпос Великой Отечественной 1941–1945 годов.

Список литературы

1. Акаткин, В.М. Дорога и память. – Воронеж, 1989
2. Литературный энциклопедический словарь. 1987
3. Твардовский, А. Стихотворения. Поэмы. БВЛ. Серия третья. – М., 1971.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗИ С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Е. ПОЛЕЕС)

*О.И. Зуева-Заливко
Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова*

Рассматриваемое нами явление русскоязычной литературы, является одной из культурных особенностей Беларуси, в которой одновременно используются русский и белорусский государственные языки. Как отмечает в своих работах профессор А.Н. Андреев, занимающийся вопросами теории литературы: «До распада Советского Союза практически все, что выходило в Беларуси на русском языке втягивалось в русское культурное пространство. Однако, после 1991 года, литература, создающаяся на русском языке в Беларуси, стала занимать промежуточное значение между русской литературой России и литературой Беларуси» [1].

Выявление специфики русскоязычной литературы Беларуси – вопрос, который нуждается в разработке. Следует отметить, что русскоязычная литература Беларуси одновременно развернута в сторону разных культурных парадигм. Поскольку русскоязычная литература Беларуси берет свое пространственное начало в точке соприкосновения русской и белорусской культур, то данная литература находится на своеобразной границе культур. Русскоязычная литература сохраняет русскую традицию на «чужой» территории, при этом она подвергается влиянию белорусской культуры, и оказывается одновременно ориентированной в сторону двух противоположных полюсов [2, 133].

Общее духовное начало двух культур – русской и белорусской – предоставили русскоязычным авторам, не нарушая своих внутренних мировоззрений, достаточно полно выразить свое отношение к действительности.

Материал и методы. Стихи Е. Полеев, – автора сборников поэзии «Я земная и грешная», «Быль», «Не приучай меня к себе», как одного из представителей русскоязычной литературы, представляют богатое творческое наследие; данные произведения были проанализированы в ходе исследования.

Результаты и их обсуждение. Нам представляется возможным сопоставление творчества Е. Полеев и А. Ахматовой. Во время нашего исследования, мы убедились в необходимости сопоставления данных поэтов, на что указывают и некоторые исследователи творчества Е. Полеев. К примеру, Г. Киселев отмечает, что мировоззренчески и стилистически Е. Полеев тяготеет к мироощущению А. Ахматовой [3, 167].

Обращаясь к основным темам и мотивам творчества А. Ахматовой, следует отметить, что восприятие любви как боли и страдания особенно характерно для ее стихов. А. Ахматова отмечала, что «ведет свое начало от стихов И.Ф. Анненского, чье творчество отмечено трагизмом и искренностью» [4, 186–187]. Любовь, разлука в любви, неисполненная любовь, любовная измена, светлое и ясное доверие к любимому, чувство грусти, отчаяния – все это приходится пережить ее лирической героине. Сознавая естественность и неизбежность несчастья, она старается сжиться с ним:

«Мне счастливой не бывать...

Шутил: Канатная плясунья,

Как ты до мая доживешь?

Я улыбаться перестала».

Любовь в лирике Ахматовой редко бывает счастливой. Счастье в любви скоротечно, а разлука и измена являются постоянными спутниками лирической героини, что предписывает ей роль брошенной, разлюбленной женщины. Тревога усиливается мотивом предчувствия судьбы:

«О, жизнь без завтрашнего дня!

Ловлю измену в каждом слове».

Выделенные мотивы лирики А. Ахматовой соотносятся с основными мотивами творчества Е. Полеев. Восприятие любви как неминуемой боли и страдания преобладает в ее поэзии. Лирика Е. Полеев отражает сердечное смятение женщины, познавшей оборотную сторону любви. Ее произведения представляют личные дневники в стихах, что подтверждает связь с культурой серебряного века и поэтикой А. Ахматовой:

«Но страх и ожиданье

Ютились по соседству.

И горькое молчанье

Досталось мне в наследство.

Теперь я понимаю,

Что это что-то значит.

Мне говорят: «Лэхаим!» –

А я тихонько плачу».

Стихи Е. Полеев передают состояние внутренней непоправимой тревоги, катастрофа любви повсюду преследует лирическую героиню, которая уже познала оборотную сторону любви; однако вместе с болью она впитала и определенную жизненную мудрость, доставшуюся с опытом:

Заключение. Е. Полеев наследует традиции А. Ахматовой и более широко – элементы культуры серебряного века, традиции русской литературы. Однако Е. Полеев творчески переосмысливает указанные влияния, акценты смещаются. Это связано с тем, что творчество Е. Полеев одновременно обращено и к культурной традиции Белорусской литературы, в результате чего сходные мотивы имеют разное выражение. Так, в частности, лирической героине Е.Полеев свойственна определенная жертвенность, всю боль от безысходной любви она готова принять на себя, что является ее отличительной чертой. В данном случае прослеживается связь с самоотдачей и самопожертвованием белорусского народа.

Поэзия Е.Полеев развернута в сторону двух культурных парадигм: традицией серебряного века и белорусской ментальностью. Связь поэтики Е.Полеев с указанными культурами прослеживается в наборе определенных образов, особой лексики, камерной, интимной интонации.

Список литературы

1. Андреев, А.Н. Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления / А.Н. Андреев // Литкритика. Белорусский литературный портал [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>. – Дата доступа : 02.12.2013.

2. Верина, У.Ю. Русскоязычная поэзия Беларуси: территория умолчания, повторения, творения / У.Ю. Верина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX – XXI веков: направления и течения. – 2013. – № 2. – С. 129–142.
3. Киселев, Г. И. И божество, и вдохновенье! / Г.И. Киселев // Неман. – 2013. – №6. С. 159–185.
4. Осетров Е. Грядущее, созревшее в прошедшем (беседа с Анной Ахматовой) / Е. Осетров // «Вопросы литературы» . – 1965. – № 4. – С. 186–187.

ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА В СОВРЕМЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА КРУПИНА

А.А. Кабылкова

Полоцк, Полоцкий колледж ВГУ имени П.М. Машерова

Сегодня творчество Владимира Николаевича Крупина – это то связующее звено между русской классикой середины XX века и литературой века XXI, которое позволяет сохранить лучшие традиции прошлого и способствовать развитию литературы в современных условиях. Верный идеалам добра, красоты, честности, Крупин выступает с открытой проповедью православных духовно-нравственных ценностей.

Современные произведения Крупина обладают несомненной эстетической значимостью, способствуют национально-религиозному возрождению, а из-под пера писателя выходят все новые произведения, в большинстве случаев остающиеся не исследованными литературоведением.

Цель исследования – охарактеризовать образ православного храма в творчестве Владимира Крупина 2000–2010-х годов.

Материал и методы. Целостно-антропологический анализ художественного произведения на примере рассказов сборника «Ввысь к небесам. Истории России в рассказах о святых» (2014).

Результаты и их обсуждение. Христианские ценности были духовно-нравственным ориентиром на всех этапах творчества Крупина. Несмотря на то, что с открытой проповедью православия писатель может выступать только начиная с 90-х годов XX века, православная символика и образность присущи и более ранним текстам. В начале XXI века Крупин имеет возможность широко использовать религиозные мотивы в творчестве. Он повествует о жизни верующих, их идеалах, подробно рассматривает православную обрядность. Некой мистической основой мироздания, органической частью русской земли, без которой она невозможна, по Крупину, является храм.

Православный храм – это не только некое сооружение, часть архитектурного ансамбля определенной местности, для верующего человека – это своеобразная модель мироздания, образ "небесного" и "земного". Предназначение храма заключается в том, чтобы человек мог постигать тайны божественного, духовного и плотского, чувственного мира. Православный храм, его структура и особенности оформления несут определенный посыл верующему, включают в себе особую символику. Символичность храма объясняется тем, что «для обладающих (духовным) зрением весь умопостигаемый мир представляется таинственно впечатленным во всем чувственном мире посредством символических образов. А весь чувственный мир при духовном умозрении представляется содержащимся во всем умопостигаемом мире, познаваясь (там) благодаря своим логосам» [2, 165].

Само понятие церкви включает в себя два аспекта: церковь как здание и церковь как «дом Бога», соединяющий в себе души всех верующих. «Если рассматривать церковь с точки зрения зодчества, то она, являясь единым зданием, делится на две части: алтарь и храм, но с другой стороны, она остается единой по ипостаси, не допуская разделения своих частей ...» [2, 166]. Так же и в духовном плане церковь объединяет вокруг себя людей с разными судьбами, проблемами, но общей верой. Объединяющая роль церкви особенно значима для Крупина, поэтому образ православного храма занимает значимое место в современном творчестве писателя. Для писателя церковь – это «небо на земле. А земля – Престол Господа. Россия – Дом Пресвятой Богородицы» [1, 505]. Кроме того, церковь представляется как особый социальный институт, играющий важную роль в развитии всего государства. Возможно, как человек глубоко верующий, Крупин несколько преувеличивает возможности церкви, однако всем